

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Кожин. Загадка 37-го

Вожди и история	6
Загадка 37-го	17

Ю.Н. Жуков. Радикальная смена курса в СССР

Изменение международной обстановки	103
Радикальная смена курса в СССР	118
Изменение Конституции	131
«Кремлевское дело»	148
Испанский синдром	166
Пленум 1937 года	176
Заговор военных	192
Последнее наступление	205

Ю.И. Мухин. Причина ненависти к Сталину

Вождь поневоле	221
Репрессии	230
Причина ненависти к Сталину	250

Приложение

А. Шабалов. Ложь о Сталине в учебниках истории

«Ленинское завещание»	256
Убийство Кирова	259
Заговор в РККА	265
Реабилитация	269

В.В. Кожин

Загадка 37-го

Вожди и история

К сожалению, в литературе о революции большое место занимают чисто «субъективистские» толкования. Со времени известного XX съезда партии все сводили к злодейской личной воле Сталина, а в последнее время достаточно широко распространилось аналогичное истолкование гибели людей в первые годы революции, когда роль чудовищного злодея исполнял Ленин.

Характерный образец такого истолкования — книга Владимира Солоухина «При свете дня», изданная в 1992 году в Москве, но, как сообщается на последней ее странице, «при участии фирмы «Belka Trading Corporation» (США)». У нашего известнейшего писателя есть свои очень весомые заслуги, но все же не могу умолчать, что данная его книга отнюдь не несет в себе того «света», который обещает ее заглавие. «Методология», сконструированная в многочисленных сочинениях о Сталине, предстает здесь даже в утрированном виде. Так, «причина» коллективизации «освещена» здесь следующим образом: «Сталину, постоянно бегавшему и скрывавшемуся от полиции (до 1917 года. — В.К.), в каждом бородатом мужике чудился враг, смертельный враг, готовый всякую минуту мгновенно кинуться ему под ноги... Свалить на землю, скрутить и сдать потом в полицию... И... дорвавшись до власти, Сталин именно на мужике начал вымещать, пусть с опозданием, всю свою злобу и обиды...» Вот оказывается, где корни

трагедии 1929–1933 годов! Но в таком случае будет логичным сделать вывод, что виноваты сами «бородатые мужики»: не сдавали бы в свое время смутьянов в полицию, и Сталин не устроил бы им коллективизацию...

Не менее «замечательно» предложенное в книге «При свете дня» объяснение гигантских жертв и бедствий первых послереволюционных лет: причина-де в том, что Россией правил «человек с большим, пораженным мозгом, а значит... и с больной психикой... С агрессивными наклонностями... По личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян» (с. 187, 189, 190).

Началось это уничтожение, утверждает В. Солоухин, уже в первые минуты власти Ленина — в ночь с 25 на 26 октября (7–8 ноября) 1917 года, когда по приказу вождя в Зимнем дворце арестовали министров Временного правительства и, «не мешкая ни часу, ни дня, посадили их в баржу, а баржу потопили в Неве» (с. 161–162). Дело не только в том, что перед нами непонятно откуда взявшаяся выдумка; не менее прискорбно искажение картины реального бытия русских людей в революционную эпоху: потопили баржу — и дело с концом, между тем как и движение истории в целом, и судьбы отдельных людей являли собой исполненную прямо-таки невероятных поворотов и противоречий драму.

Ведь в действительности все пятнадцать арестованных в Зимнем дворце в 01.50–02.10 час. 26 октября (8 ноября) 1917 года министров Временного правительства (последнего его состава) были вскоре же освобождены, и большинство из них прожило долгую и по-своему содержательную жизнь. Так, министр исповеданий А.В. Карташев эмигрировал, был одним из наиболее выдающихся историков Православия и умер в 1960 году в Париже в возрасте 85 лет. А его коллега министр путей сообщения А.В. Ливеровский никуда не уехал, играл немалую роль в транспорт-

ных делах страны, в том числе в героическом строительстве «Дороги жизни» во время немецкой блокады Ленинграда, — города, где он и скончался уважаемым человеком в 1951 году в возрасте 84 лет.

Вообще же из пятнадцати арестованных 26 октября министров семь остались в России, а восемь эмигрировали. Живший во Франции военно-морской министр адмирал Д.Н. Вердеревский в 1945 году явился в посольство СССР, пил там за здоровье Сталина и даже успел стать гражданином СССР, хотя в 1946-м его постигла смерть (ему было 73 года). А исполнявший (в последние дни существования Временного правительства) обязанности военного министра генерал А.А. Маниковский не пожелал эмигрировать и стал — ни много ни мало — начальником снабжения Красной армии, правда, ненадолго: в 1920 году он погиб в железнодорожной аварии.

Конечно, часть оставшихся в России министров не избежала репрессий, но умер насильственной смертью, насколько известно, только один из них — министр земледелия С.Л. Маслов. До 1929 года он был видным деятелем российской кооперации («Центросоюза»), а также преподавал в Московском университете и других высших учебных заведениях. В 1930-м его отправили в ссылку, в 1934-м он вернулся в Москву, но 20 июня 1938 года был расстрелян НКВД.

Словно ради некоей трагической симметрии казнь постигла также и одного из эмигрировавших — министра-председателя Экономического совета С.Н. Третьякова — внука одного из создателей Галереи С.М. Третьякова: в декабре 1943 года он был расстрелян (согласно другим сведениям, ему отсекли голову) немецкими нацистами как виднейший тогда агент советской (!) контрразведки в Париже (он стал им еще в 1929 году — как раз в тот момент, когда в Москве его коллегу Маслова отстранили от руководящей работы в кооперации).

Владимир Солоухин зачем-то решил мгновенно отправить на невольничье дно всех этих людей с их удивительными судьбами (я сказал о шести из пятнадцати министров, но и истории остальных достаточно яркие). Нельзя не опровергнуть еще одного совершенно ложного утверждения В. Солоухина. Он пишет, что-де «в первом составе Совета народных комиссаров соотношение евреев к неевреям 20:2» (с. 212). Между тем абсолютно точно известно, что в этом «первом составе» (утвержденном 26 октября) из 15 наркомов евреем был только один — Л.Д. Бронштейн (Троцкий), если не считать «еврейских корней» Ленина (евреем был его дед по материнской линии Бланк). Сравнительно небольшой оставалась доля евреев и в последующих составах Совнаркома — вплоть до середины 1930-х годов, когда около половины наркомов (но все же не девять десятых, как уверяет В. Солоухин) были евреями, в том числе наиболее важные наркомы внутренних и иностранных дел, путей сообщения, внешней торговли, оборонной промышленности и т.д.

Это вообще непростая и по-своему чрезвычайно интересная тема, к которой мы еще специально обратимся. Что же касается «информации», предлагаемой в книге «При свете дня», остается только руками развести — откуда такое берется?!

Как ни прискорбно, подобные вещи встречаются на многих страницах книги Владимира Солоухина, хотя несправедливо было бы умолчать, что то же самое характерно едва ли не для большинства нынешних сочинений о 1920–1930-х годах. Владимир Солоухин утверждает, что в 1918 году Ленин «бросил крылатую фразу: пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции. Тогда-то заместитель Дзержинского Лацис (на деле — председатель ЧК 5-й армии. — В.К.) опубликовал в газете «Красный террор» 1 ноября 1918 года своеобразную

инструкцию всем своим подчиненным: "...Мы истребляем буржуазию как класс... Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти"...» (с. 145–146).

Но, во-первых, сия «крылатая фраза» принадлежит не Ленину, а Г.Е. Зиновьеву, который к тому же говорил о гибели 10, а не 90%, а во-вторых, ознакомившись с тем же самым журналом (а не газетой) «Красный террор», Ленин тут же не без резкости заявил: «...вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале "Красный террор" товарищ Лацис... на стр. 2 в № 1: "не ищите (!!) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом..."» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 310).

Вообще, нетрудно доказать, что Ленин как человек, стоявший во главе всего, вел себя умереннее многих деятелей того времени и не раз стремился занять «центристскую» позицию, хотя Владимир Солоухин голословно утверждает обратное. Доказательства ленинской умеренности еще будут приведены, а пока скажу о самом существенном.

В книге «При свете дня» многократно повторяется, что, мол, «болезнь мозга... в зрелом возрасте Владимира Ильича развила в нем чудовищную, бешеную, не знающую никаких преград агрессивность. Если бы больной сидел дома под присмотром родных — это одна картина. Но он волею судеб сделался диктатором над сотнями миллионов людей. И полились реки крови...» (с. 50). Притом диктатор «сидел в Кремле, защищенный... высокими зубчатыми стенами» (с. 78), и потому, мол, злодействовал без всякого риска.

Вот такое «толкование» истории... При этом как бы полностью исчезает бушевавшая в России в 1917–1922 годы революция, о которой Сергей Есенин сказал в 1924 году:

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело...

Тот ураган был небезопасен и для самого Ленина. Широко известно только одно покушение на его жизнь — 30 августа 1918 года. Но еще 1 (14) января этого года автомобиль, в котором Ленин ехал по центру Петрограда, был обстрелян залпом из нескольких винтовок, и лишь находчивость сидевшего рядом соратника спасла вождя: рука, которой спаситель мгновенно пригнул голову Ленина, была задета пулей... Через четыре дня, 5 (18) января, Ленин отправился разгонять Учредительное собрание, и ему, ввиду опасности, вручили револьвер, который был тут же у него украден и возвращен лишь на следующий день после настойчивых розысков. Далее, 10 марта в обстановке строжайшей секретности Ленин переезжает из опасного Петрограда в Москву, и ему преграждает путь эшелон, переполненный анархически настроенными матросами; положение спасает сопровождающий беглецов вышколенный батальон латышских стрелков, без которых Ленин вообще едва ли уцелел бы в 1918–1919 годах.

9 июля 1918 года автомобиль Ленина был обстрелян из револьверов у Николаевского (позднее Октябрьского) вокзала в Москве. 30 августа его — что общеизвестно — тяжело ранили. А 19 января 1919 года его автомобиль около Сокольников остановил знаменитый тогда, пользуясь нынешним словечком, «авторитет» Кошелев: предсовнаркома Ленин был вышвырнут (буквально) из своей машины, у него отняли бумажник и револьвер, а машину угнали и т.д.

Все это показывает, в какой стране, в каком мире правил диктатор... И я обратился к вышеизложенным фактам отнюдь не для того, чтобы вызвать «сочувствие» к Ленину и тем более как-то «оправдывать» его действия; цель моя — только в воссоздании истинного положения в послереволюционной России. Ураган, бушевавший в стране, был настолько всепроникающим, что и всевластный, казалось бы, диктатор не мог избежать его смертоносного натиска.

Атмосфера революции создавала достаточно напряженное положение и внутри самой власти. Хорошо известно, что любое существенное «решение» Ленина в 1917–1921 годах резко оспаривалось многими его соратниками, и ему приходилось вести нелегкую борьбу. Когда же в 1922 году его ослабила тяжелая болезнь, он не раз «проигрывал».

Владимир Солоухин возмущенно говорит в своей книге, что в составе высшей революционной власти, которая объявила себя властью «рабочих и крестьян», «один только был экс-рабочий — М.И. Калинин, да и то его держали для вывески» (с. 81). Это действительно так, но В. Солоухин умалчивает (или же не знает), что в 1922 — начале 1923 года именно Ленин пытался кардинально изменить положение дел. В его последних сочинениях, известных под названием «Завещание», главная, стержневая мысль — мысль о необходимости безотлагательно передать верховную власть «рабочим и крестьянам, поставив их во главе нашей партии» (т. 45, с. 345); притом Ленин подчеркивал, что это должны быть рабочие и крестьяне, «стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет» (с. 348).

Когда говорят о «завещании» Ленина, как правило, сосредоточивают все внимание на содержащейся в нем «сенсационной» критике главных «вождей», особенно Сталина. Однако Ленин начал свое «завещание» заявлением о необходимости «предпринять... ряд перемен в нашем политическом строе (а не перемен в личном составе руководства. — В.К.)... В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни» (с. 343); в ЦК тогда числилось 27 человек, и Ленин далее объявил, что в новый орган высшей власти следует «выбрать 75–100... новых членов... из рабочих и крестьян» (с. 384), которые, следовательно, должны были занять три четверти (!) мест в этом всевластном органе.

И вот что поистине примечательно: «опасный» и потому засекреченный элемент ленинского «завещания» обычно усматривают в критике «вождей», а ведь в основе своей эта критика стала общеизвестной из ряда публикаций уже в 1927 году. Между тем важнейшие суждения Ленина о необходимости «передачи» власти из рук профессиональных революционеров в руки рабочих и крестьян были опубликованы только в 1956 году! Правда, в 1923 году появилась в печати ленинская статья «Как нам реорганизовать Рабкрин», но, во-первых, ее публикация поначалу вызвала решительное сопротивление всей партийной верхушки (собирались даже напечатать единственный спецэкземпляр «Правды» с этой статьей для успокоения Ленина), во-вторых, в этой статье главная мысль Ленина не выступала с такой ясностью, как в других его тогдашних текстах, и, наконец, сразу же после опубликования статьи в парторганизации было разослано письмо Политбюро и Оргбюро ЦК, в котором ленинская статья, по сути дела, дискредитировалась как полубред тяжелобольного человека.

Но важнее всего, конечно, тот факт, что настоятельное предложение Ленина ни в коей мере не было реализовано, хотя он видел в нем «шаг государственной важности» (с. 483). Вообще, как уже сказано, с самого начала тяжелой болезни Ленина его власть стали все более урезать. Подчеркну еще раз, что, излагая факты, я не оцениваю (по крайней мере, пока не оцениваю) их, не ставлю вопроса о «правоте» или «неправоте» какого-либо деятеля; речь идет только о характеристике реального положения в революционной России — положения, которое определяло судьбу и рядовых граждан, и самого Ленина.

* * *

Целесообразно еще раз сказать о существеннейшей «поправке» к подавляющему большинству нынешних рассуждений о варварстве и жестокости революционной по-

литики. Как правило, эти крайне прискорбные явления пытаются объяснить, исходя из характера того или иного деятеля — характера, так сказать, политического и идеологического (хотя подчас выдвигается уж совсем поверхностная точка зрения, сводящая все к чисто индивидуальной психике, как в цитированной книге В. Солоухина). Отсюда и проистекает возложение всей «вины» на Сталина, а в последнее время — и на Ленина.

Между тем варварство и жестокость были порождены самим существом революционной эпохи. В связи с этим стоит еще раз вспомнить о Бухарине, которого постоянно сопоставляют со Сталиным. Нет сомнения, что Бухарин был если и не «мягким» (как заявляют его апологеты), то уж, во всяком случае, не столь уж «решительным» человеком, склонным к колебаниям и сомнениям (так, в 1918-м он являлся «самым левым» коммунистом, а в 1928-м — «самым правым»). Однако и его политическое поведение определялось общей атмосферой эпохи и было в конечном счете не менее «жестоким», чем у других руководящих лиц. К сожалению, внедренный в умы «либеральный» бухаринский «имидж» заставляет многих попросту закрывать глаза на реальные факты.

Так, например, бывший министр юстиции В.А. Ковалев издал книгу, повествующую прежде всего о грубейших нарушениях правовых норм в 1920–1930-х годах (*Ковалев В. Два сталинских наркома. М., 1995*). Он размышлял, в частности, об известном Шахтинском деле 1928 года — о «вредителях» в Донбассе:

«Задолго до суда и даже до окончания предварительного следствия с изложением своей оценки Шахтинского дела выступил Сталин. В докладе на активе Московской партийной организации 13 апреля 1928 года этому делу он посвятил целый раздел: “Факты говорят, что Шахтинское дело есть экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, владевших ранее угольной про-

мышленностью. Факты говорят далее, что эти спецы, будучи организованы в тайную группу, получали деньги на вредительство от бывших хозяев, сидящих теперь в эмиграции, и от контрреволюционных антисоветских организаций на Западе”.

Так задолго до судебного разбирательства и вынесения приговора, — возмущался В.А. Ковалев, — факты были установлены, акценты расставлены, выводы сделаны... Вся последующая судебная процедура заведомо превращалась в фикцию. Для того чтобы правильно понять мотивы... прямого и открытого вмешательства в деятельность уголовной юстиции по конкретному делу, следует иметь в виду политическую ситуацию, сложившуюся в то время в стране. Все большее распространение приобретали идеи так называемых “правых” уклонистов во главе с Бухариным, Рыковым, Томским...»

Итак, с одной стороны, злодей Сталин, организующий Шахтинское дело, к тому же, как оказывается, для противостояния «правым», а с другой — «невинные» Бухарин и его сподвижники Рыков и Томский. Но на самом деле, во-первых, именно ближайший единомышленник Бухарина М.П. Томский возглавлял комиссию ЦК, расследовавшую «вредительство» в Донбассе, а во-вторых, в один день со Сталиным, 13 апреля 1928 года, Бухарин сделал доклад «Уроки хлебозаготовок, Шахтинского дела и задачи партии», где «расставил акценты» намного хлеще, чем Сталин!..

В Донбассе, заявил Бухарин, «при помощи рядовых рабочих раскрыли вредительскую организацию, которая через ряд посредствующих звеньев была связана с иностранным капиталом, с крупными иностранными капиталистическими организациями, с эмигрантскими кругами, наконец, с военными штабами некоторых иностранных держав. Она состояла в значительной мере из бывших собственников соответственных шахт и рудников, причем некоторые из них имели очень гнусный контрреволюционный стаж...

Она состояла из белогвардейских инженеров и техников, из которых многие оказались бывшими деникинцами, некоторые — бывшими контрразведчиками Деникина... Они имели связь через некоторых иностранных инженеров с границей, причем некоторые из этих инженеров оказались членами фашистских организаций... Идеологией этой организации являлось свержение Советской власти, восстановление капиталистического режима... Ближайшей их задачей была решительная спекуляция на войне и на новой интервенции... не исключена возможность существования организаций, подобной этой, в других областях; нет гарантии, что такая гнусность не завелась в военной промышленности или в химической; хотя прямых данных для этого предположения нет...».

Таким образом, Бухарин далеко «превзошел» Сталина и, между прочим, как бы разработал сценарий того «разоблачения», которое было применено через десять лет к нему самому... Естественно, и конкретное «решение» Бухарина по Шахтинскому делу было более жестоким, чем Сталина. Очень симпатизировавший Бухарину историк М.Я. Гефтер все же, в силу своей объективности, привел бухаринский рассказ о заседании Политбюро (*Гефтер М. Апология слабого человека // Российская провинция. 1994. № 5*), на котором утверждался приговор по Шахтинскому делу: «Он, — сказал Бухарин о Сталине, — предлагал ни одного расстрела по Шахтинскому делу (мы голоснули против)». Мы — это Бухарин, Рыков и Томский, к которым присоединилось большинство Политбюро. «...“Правые”, стало быть, за расстрел. И чем побуждаясь? — вопрошал в своей статье М.Я. Гефтер. — В пику Сталину? Блюдя в чистоте заповедь классово́й борьбы?..»

Принято считать, что Сталин отказывался от жестоких решений только ради «игры». Допустим даже, что это так. Допустим и то, что тройка «правых» также проголосовала за расстрел ради «игры» — «в пику Сталину». Но это-то и

обнаруживает с особенной наглядностью суть сознания и поведения руководителей революционной эпохи: они, не дрогнув, готовы расстрелять кого угодно и ради чего угодно... Когда 25 августа 1936 года были казнены Зиновьев и Каменев, Бухарин написал об этих людях, с которыми была теснейшим образом связана вся его жизнь: «Что расстреляли собак — страшно рад».

Могут сказать, что эти слова вызваны стремлением «отмежеваться» от «врагов народа». Но в чрезмерной резкости проступает привычная для Бухарина готовность без каких-либо треволнений «голоснуть» (по его словечку!) за убийство людей.

И это не «личная» черта, а типовой признак всех вождей революции, то есть черта историческая, которую бессмысленно специально выискивать в Сталине или Ленине и пытаться «не замечать» в том же Бухарине...

Загадка 37-го

Об этой «загадке» я, как и многие люди моего поколения, начал размышлять еще в 1950-х годах, в особенности, конечно, после ныне всем известного доклада, произнесенного Н.С. Хрущевым 25 февраля 1956 года на «закрытом заседании» XX съезда КПСС, но вскоре ставшего достоянием весьма широких кругов населения страны, поскольку его текст зачитывался на партийных и даже комсомольских собраниях.

Террор 1937 года предстал в этом докладе как следствие «культы личности Сталина», культа, который привел к (цитирую доклад) «сосредоточению необъятной, неограниченной власти в руках одного лица», требовавшего «безоговорочного подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был обречен на исключение из руково-

дящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением... жертвами деспотизма Сталина оказались многие честные, преданные делу коммунизма, выдающиеся деятели партии и рядовые работники партии».

Некоторые из этих людей, говорилось в докладе, «совершали ошибки», — например, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, — но и их не следовало уничтожать: «Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью... Но Ленин пользовался такими мерами против действительных врагов, а не против тех, которые ошибаются...»

В докладе цитировалось «Письмо» Ленина XII съезду ВКП(б) от 4 января 1923 года («Сталин слишком груб...» и т.п.) и утверждалось: «Те отрицательные черты Сталина, которые при жизни Ленина проступали только в зародышевом виде, развились... в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии». Как было сообщено в докладе, на XIII съезде партии, в мае 1924 года (то есть уже после смерти Ленина), обсуждалось ленинское предложение о замене Сталина на посту генсека ЦК другим лицом, но все же, к прискорбию, решили, что Иосиф Виссарионович «сумеет исправить свои недостатки». Однако последний, мол, либо не сумел, либо не пожелал «исправиться»...

Итак, террор 1937 года был объяснен в знаменитом докладе, по сути дела, чисто личными качествами Сталина. Конечно, как констатировалось в докладе, 1937 год стал возможен в силу того обстоятельства, что вождь сосредоточил в своих руках «необъятную, неограниченную власть», но причиной террора были все же объявлены именно «отрицательные черты» сталинского характера, которые-де и привели к «тяжким злоупотреблениям» этой властью.

Со времени хрущевского доклада прошло много лет, однако и по сей день «феномен 1937 года» во многих со-

чинениях по-прежнему истолковывается именно в этом духе. Таково, например, изданное с 1989 года громадными тиражами пространное сочинение А.В. Антонова-Овсеенко, сына известного революционного деятеля, который, в частности, руководил чудовищным по своей жестокости подавлением Тамбовского крестьянского восстания 1920–1921 годов, а затем назначался начальником Политуправления Реввоенсовета, прокурором РСФСР, наркомом юстиции РСФСР — на какой должности он был в декабре 1937-го арестован и погиб. Позднее, в 1943-м, арестовали и его сына — будущего автора книги. Считая главным и даже вообще единственным виновником всех репрессий 1930–1940-х годов Сталина, А.В. Антонов-Овсеенко стремится представить его беспримерным патологическим злодеем. И 1937 год, с его точки зрения, породили присущие Сталину «всепожирающая месть и неутолимая злоба».

Можно понять точку зрения Антона Владимировича, безвинно пережившего тяжкие заключения, но все же едва ли есть серьезные основания усматривать в Сталине некое уникальное средоточие злобности и мстительности, хотя об этом и говорили так или иначе многие. Беспощадные расправы с людьми, в том числе ни в чем не повинными, — неотъемлемая «особенность», даже своего рода «норма» поведения преобладающего большинства руководящих деятелей того времени; вспомним, как отец Антона Владимировича приказывал расстреливать сотни тамбовских заложников, скорее всего, попросту и не знавших, где скрываются повстанцы, которых их принуждали под угрозой смерти выдать...

О том, что Сталин лично не был из ряда вон выходящим воплощением злобы и мести, достаточно убедительно свидетельствует хотя бы такой эпизод его жизни. В октябре 1942 года сын Сталина, Василий Иосифович, задумал снять кинофильм о летчиках и пригласил к себе известных режиссеров и сценаристов, среди которых были Ро-